

ГЕНРИХ КНИЖНИК

СЕМЁН СЕМЁНЫЧ

и Тулька

Генрих Соломонович Книжник Семён Семёныч и Гулька

Серия «Интересное чтение»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66177944

Семён Семёныч и Гулька : повесть / Г. Книжник ; худож. С. Гаврилов.:

Мелик-Пашаев; Москва; 2021

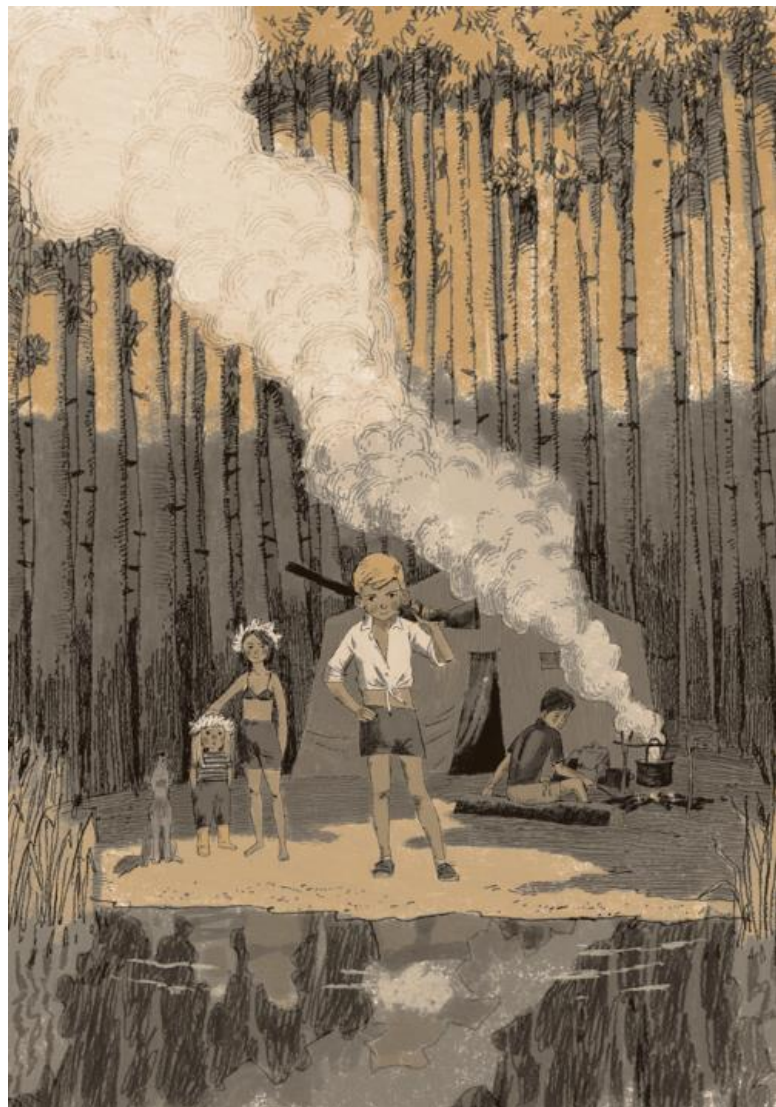
ISBN 978-5-00041-408-8

Аннотация

Сёмка, или Семён Семёныч, главный герой новой повести Генриха Книжника, – серьёзный, ответственный мальчик, который склонен сначала подумать, потом совершить поступок (что редко бывает с детьми его возраста). Сёмка надёжный помощник своим родителям, но главное его достоинство – он самый лучший Старший Брат для маленькой сестрёнки Гульки.

Генрих Книжник, мастер захватывающих сюжетов, отправляет своих героев из городской квартиры в настоящий «взрослый» поход, где их ждут невероятные приключения с участием диких зверей и недружелюбно настроенных ровесников.

Книгу с неослабевающим интересом прочтут девочки и мальчики 8-12 лет.

Генрих Книжник Семён Семёныч и Гулька

Рисунки Сергея Анатольевича Гаврилова

Сначала Семён Семёныч был «малыш», «зайчик», «котёнок», потом стал Сенечка, Сёмочка, Семечка, потом Сёмка и «Сёмка-перестань-баловаться», а потом мама сказала, что у него скоро будет сестра. Сёмка возмутился: он сестру не просил, ему и без неё не скучно. И вообще, что это такое: просил собаку – не разрешили, велосипед – не купили, игрушки – и те редко покупают, а тут ещё наверняка придётся часть игрушек отдать какой-то там сестре! Сестру он вообще не хотел – и вот на тебе, пожалуйста!

Мама с ним на эту тему говорить отказалась. Сёмка отправился к папе, чтобы тот урезонил маму. Папа выслушал его с большим вниманием и сказал, что сестра – это хорошее

дело и совершенно не обязательно отдавать ей половину игрушек – у неё будут свои. А Сёмка быстро к сестре привыкнет, станет играть с ней, помогать жить в этом сложном мире, защищать от всяких нехороших людей, от кошек и собак – ведь она будет очень маленькая и слабая. И он станет её «Старший Брат»! А это очень важная и ответственная должность. Далеко не каждому мальчишке удаётся стать Старшим Братом: некоторые вообще ничьи братья, кто-то – младшие братья, а он будет Старший – пример и опора для младшей сестры.

Сенька задумался. Может, оно и так, но всё же... Чужой человек в доме.

– А где она будет жить? – спросил он.

– Сначала со мной и мамой, а потом переселится в твою комнату, – ответил папа.

– А какая она будет?

– Скоро увидишь.

Папа убежал на работу, а Сёмка пошёл в свою комнату думать. Если сестра будет как Танька Синицына, это ещё ничего. А если как Наташка Углова? Жадина: «Это мой стул, я на нём сидела! – и сразу толкаться: – Слезай». Ну и что, что она на нём сидела. Все на нём сидели. А саму её не толкнёшь, она толстая, здоровенная, как... как... бегемот! И ябеда: «Валентина Петровна, Сёмка дерётся!» А он ещё ничегошеньки ей не сделал, только один раз. Нет, если такую привезут, надо уходить из дома. Сначала к бабушке, а потом –

видно будет. Но перед уходом надо поговорить с мамой, может, удастся её убедить отказаться от сестры.

Мама, выслушав Сёмку, сказала, что сестра – дело решённое и скоро она появится в доме.

– Привезёте сестру – уйду совсем! – грозно сказал он. – Навсегда!

Мама оторвалась от своих дел и внимательно посмотрела на Сёмку.

– Куда? – спросила она.

– К бабушке!

– Ну что ж, – сказала мама. – Это хорошо. Папе и мне большая помощь. Бабушка часто болеет, и теперь ты станешь заботиться о ней. Будешь ходить в магазин, бегать в аптеку за лекарствами, готовить еду, подавать еду ей в постель на подносе, мыть посуду, убирать квартиру. В доме, где больной человек, должно быть чисто.

Сёмка вздрогнул. Но не в его привычках было сдаваться сразу.

– Ну, тогда уйду куда-нибудь.

– Зачем «куда-нибудь», – сказала мама. – Ты нам не чужой, мы тебя устроим в хорошую семью, у которой нет детей, они будут очень рады. Сейчас много таких семей. Расклеим объявления на столбах и возле подъездов в ближайших домах, чтобы ты остался жить в нашем районе и ходил в тот же детский сад. И нас с папой навещать сможешь, когда захочешь. Твои вещи и игрушки будут храниться здесь. Они при-

годятся твоей сестре. В новой семье тебе купят всё новое. И имя тебе придумают новое. По объявлению станут приходить разные люди, чтобы посмотреть на тебя. Постарайся им понравиться. Мы тоже будем приглядываться к новым папам и мамам, чтобы они понравились нам. Ты ведь нам родной. Расскажем им, что ты любишь и что тебе не нравится, чем тебя кормить, а чего даже не предлагать. Подожди, я сейчас наберу на компьютере несколько объявлений, мы расклеим их по дороге в детский сад.

Сёмка ничего не понимал. Мама должна была накричать на него, может быть, нахлопать по попе, оттащить за руку в его комнату и приказать сидеть там в наказание. А Сёмка сидел бы и дулся, чтобы мама переживала. Но такое. Это что же получается: ни папы, ни мамы? Какие-то чужие дядьки и тётки? А к папе и маме только в гости?!

Он редко плакал, даже когда падал и сильно ушибался, но тут он вылетел из комнаты, забежал в ванную и заревел во всю мочь. Через пять минут туда зашла мама, прижала его к себе, стала гладить по голове и говорить, что теперь она видит, что Сёме они с папой дороги. Что она просит, чтобы Сёма не уходил из дома, потому что им без него будет очень плохо, а с ним очень хорошо. А когда будет сестра, то станет ещё лучше. И Сёмка скоро убедится в этом сам.

И Сёмка вдруг почувствовал, что мама говорит правду – всё действительно будет хорошо. Ведь и в детском саду ему сначала очень не понравилось, а сейчас там весело и инте-

ресно, много друзей. Может, и сестра окажется хорошей девчонкой и с ней получится дружить. И в детский сад они станут ходить вдвоём. А если Фёдка её обидит, можно будет дать ему в нос. А когда прибежит Валентина Петровна, сказать ей, что он, Сёмка, заступился за сестру! А если Фёдка вместе с Мишкой нападут на него, то сестра придёт к нему на помощь и вдвоём они отобьются от врагов!

И Сёмка затих.

* * *

Вскоре мама куда-то съездила и привезла вместо нормальной девчонки в платьице какой-то орущий свёрток. Оказалось, что это и есть сестра. Сёмка страшно удивился и сказал маме, что он собирался ходить вместе с сестрой в детский сад в их группу, а «это», в свёртке, даже сидеть ещё не умеет!

Но мама только засмеялась.

– Ты что, не могла выбрать что-нибудь получше, хотя бы побольше? – спросил Сёмка.

Но мама сказала, что там были только такие и она выбрала из всех самую лучшую. Сёмка спросил, как её зовут. Мама сказала, что ещё никак, и сама спросила, как её хотел бы назвать Сёмка. Но пусть он хорошо подумает, потому что имя даётся человеку на всю жизнь и изменить его уже будет нельзя.

– А меня кто назвал Сёмкой? – спросил Сёмка, и мама

сказала, что так звали дедушку, который рано умер и Сёмка его уже не застал.

Сёмка пошёл в свою комнату, сел на пол и задумался. Можно было бы назвать сестру Танька Синицына, но в группе уже были две Таньки, и вторая была скверная девчонка, так что это имя не годилось. Наташка, конечно, тоже. И не Зойка, и не Зинка-резинка... Аня – хорошее имя, но в детском саду Ань было уже четыре – если появится пятая, воспитательницы запутаются. М-м-да, дело оказалось не таким уж простым. Может, как в сказках: Василиса Премудрая, Елена Прекрасная? Не годится, слишком длинно. Тамара? Нет, Тамара не нравится. Почему не нравится? Нипочему! Не нравится, и всё. А если Лёлька? На детскую площадку ходит одна такая Лёлька: «Дай игрушку!» А не дашь – ткнёт кулаком и в рёв: «Он меня ударил!» И сразу её мамаша: «Этой такой скверный мальчишка? Ваш? Заберите его с площадки, здесь приличные дети играют! Что? Она первая ударила? Ну и что, это же дети». Нет, Лёлька не годится. А если Галя? Вот Галя – это хорошо. В детском саду нет ни одной Гали, и его сестру никто ни с кем не спутает.

За обедом Сёмкино предложение обсудили. Папа настаивал на имени Маша:

– Мама у нас Маша, и дочка будет Маша. Маша большая и Маша маленькая, как хорошо!

Бабушка предложила Вареньку.

Но за Галю были Сёмка и мама, и они победили большин-

Сестра всегда спала, а если не спала, – орала и замолкала, только когда её кормили. Жила она в спальне папы и мамы и Сеньке особо не мешала.

Постепенно Сенька привык, что он больше не зайчик-котёнок-малыш, а Сёма и Старший Брат. Изредка он заходил в спальню посмотреть на сестру. Глаза у неё, когда она не спала, были голубые, как у самого Сеньки. Голова лысая... Какие-то редкие белые волосики всё же росли, но очень мало. А брови над глазами хотя и светлые, но заметные – надо же. В общем, она Сеньке не нравилась. Сенька сказал об этом маме, но она только засмеялась и ответила, что Галя – очень красивая девочка, и Сенька был такой же. Сенька ей не поверил. Нет, он был гораздо лучше.

Скоро сестра стала спать меньше, начала узнавать Сеньку и улыбаться ему. Сеньке это нравилось, и он заходил к ней всё чаще и даже тряс погремушкой, а она в ответ дрыгала руками и ногами и говорила «у-у-у» или «а-а-а-а».

Иногда она орала, особенно по вечерам, и мама никак не могла её успокоить. Сенька волновался, не заболела ли она. Но сестра постепенно успокаивалась, и Сенька тоже успокаивался.

Он пытался научить её разговаривать, повторял: «Скажи

“Га-ля!” Га-ля! Ну! Тебя же будут спрашивать, как тебя зовут, а ты ничего не сможешь ответить». Но сестра говорила только своё «у-у-у» и «а-а-а», Сенька сердился на неё и уходил. Однажды она ответила ему «гу-у», потом всё чаще повторяла эти звуки, и сначала папа с мамой, а потом и Сенька стали называть её Гулька. Так она Гулькой и сделалась.

Потом она начала бегать на четвереньках, как собачка или кошка, постоянно куда-нибудь залезала, не могла выбраться и орала. Сенька бежал к ней, вытаскивал, а она говорила ему «гу-у» и лезла обратно.

* * *

А потом Гулька заболела – оказалось, что у неё в животе что-то было неправильно. Она теперь не орала, а только тихо попискивала, и Сенька разрывался от жалости к ней. Он помнил, как у него болел живот, когда он наелся каких-то вредных лекарств у бабушки в гостях, как ему было плохо и как его везли в больницу и там «промывали желудок». Но он тогда был уже большой, мог сказать, где болит и что он такое съел, а Гулька не может. Папа и мама ходили мрачные, сидели у Гулькиной кровати, мама даже плакала. А папа молчал.

Потом мама с Гулькой уехала в больницу.

Папа сказал, что там Гульке сделали операцию, всё получилось удачно и она выздоровеет. Но за ней теперь нужно

очень следить, чтобы она не стащила с живота повязку, ничего не тянула в рот, пила понемножку и часто.

Однажды Сенька пробрался в папину-мамину комнату, когда мама делала Гульке перевязку, и увидел у неё на животе красную черту. «Кто нарисовал? Зачем?» – спросил он. Мама объяснила, что это разрез, чтобы заглянуть Гульке в живот и исправить то, что было неправильно. Сёмка вздрогнул, убежал к себе и сел переживать: как Гульке было больно и как она всё это терпела; как ему самому было больно, когда он порезал руку ножом, а ведь живот – это ещё больнее!

* * *

Гулька теперь не пыталась ползать, не дрыгала руками и ногами, когда приходил Сёмка, и не кричала «гу-у», а только молчала или чуть слышно попискивала. Сёмка очень страдал, когда слышал эти звуки. Когда мама уходила за чем-нибудь, Сёмка приходил к Гульке со своими книжками, открывал их и начинал рассказывать, что в них написано, перерачивал страницы и показывал ей картинки. Приносил игрушки, объяснял, как нужно ими играть. Гулька внимательно слушала, но ничего не отвечала, не тянулась к ним. Сенька волновался, что она останется такой навсегда. Когда он уходил от Гульки, она начинала попискивать громче и кривила рот, но не плакала. Сенька догадался, что она не хочет, чтобы он уходил, а плакать по-настоящему не может, потому

что ей больно.

Однажды, когда Сенька с папой пришли из детского сада, они слышали громкий рёв. Сенька испуганно посмотрел на папу – папа улыбался, и Сенька понял: раз Гулька заорала, значит, она выздоровела, – и побежал к ней.

Гулька старалась перевернуться на живот, у неё не получалось, и она требовала, чтобы ей помогли. Увидев Сёмку, она широко улыбнулась и громко сказала «гу-у». На крик прибежала мама, подхватила Гульку на руки и даже немножко заплакала от радости.

И всё пошло как раньше, только Гулька стала кричать и требовать, чтобы Сёмка всегда был рядом. А когда снова стала ползать, бежала на четвереньках в прихожую, чтобы встретить его из детского сада, заявлялась в его комнату, просто сидела и смотрела на него или хватала игрушки и всё портила.

Сёмка очень боялся, чтобы у Гульки опять не заболел живот, и внимательно следил за тем, где и как она ползает и что тащит в рот. А когда сестра начала ходить, шёл за ней, растопырив руки, чтобы подхватить, если она упадёт. Он наблюдал за мамой, как она готовит Гульке еду, как её кормит и одевает, и делал маме замечания. Мама сердилась, называла его «старый дед», «ворчун», «свёкор» и «Семён Семёныч», но он отвечал, что он Старший Брат и обязан заботиться о сестре. Так сказал папа. Папа смеялся, говорил, что он настоящий Старший Брат, серьёзный и ответственный человек, и

имя Семён Семёныч ему очень подходит. Сёмка обижался, но постепенно привык и стал отзываться на это имя, хотя был он не Семёновичем, а Андреевичем, потому что его папа был Андрей Сергеевич.

* * *

Как-то рано утром Семён Семёныч был разбужен головами родителей в соседней комнате. Гулька, конечно, не проснулась. Среди ночи – проснулась бы обязательно. А вот утром, когда нужно быстро встать, одеться и топать в детский сад, её не то что криком, руками не разбудишь.

Семён Семёныч прислушался. Ну конечно, родители, как обычно, ссорились, кому сегодня вести Гульку в детский сад. Мама настаивала, что это должен сделать папа, потому что она провожала Гульку вчера, а папа утверждал, что вчера отводил Гульку в сад он, ну в крайнем случае Семён Семёныч, и он помнит это совершенно точно. И вообще, у него с утра лекция. Мама возражала, что лекция у папы в десять утра и он прекрасно успевает отвести ребёнка в детсад, до которого идти пятнадцать минут даже Гулькиным шагом. Папа отвечал, что ему до лекции необходимо просмотреть демонстрационный материал, а это потребует времени. А мама легко может опоздать в свою клинику хоть на час. Всё равно она придёт на работу самой первой из всего персонала. Мама отвечала, что у неё в девять пятиминутка и она, мама, просто

не может опоздать в этот раз, потому что и так все уже смеются, когда она влетает в зал и начинает извиняться.

* * *

Семён Семёныч горько вздохнул: он знал, чем кончится этот спор. Минут через пять оба войдут в комнату, встанут возле его постели и начнут просить, чтобы он отвёл Гульку в сад, и обещать, что это в последний раз, что сегодня просто неудачно сложились обстоятельства и за это папа купит ему. «Ну что ты хочешь, Сёмка?.. Нет, велосипед не проси, это опасно, налетишь на что-нибудь, упадёшь, разобьёшься, а если ещё и Гульку станешь катать!.. Нет-нет, велосипед не куплю. Захоти что-нибудь другое. Получишь. Обещаю». Вступит в разговор мама, сообщит, что он уже большой, должен помогать родителям и ухаживать за младшей сестрой. «Ведь она тебя так любит, так радуется, когда ты гуляешь с ней. Мы просим тебя так редко!..»

Каждый день – редко?! И это родители!

Семён Семёныч сунет голову под подушку, а родители, как обычно, сделают вид, что приняли этот его жест за согласие. Мама начнёт давать наставления, как одевать Гульку, куда смотреть, когда они будут переходить улицу, проследить в саду, чтобы она аккуратно переоделась, ну и так далее. А папа побежит организовывать им с Гулькой завтрак. Знают, что Семён Семёныч ответственный человек и сдела-

ет всё как надо. Мама ещё позвонит с работы проверить, всё ли в порядке, а папа тут же забудет, что вместо велосипеда обещал ему всё, что он захочет. Что попросить? Конструктор лего? Скажет: «Что, я действительно обещал? Ну что ж. Только не завтра. Завтра я буду очень занят. Может быть, в воскресенье.» Потом не будет денег, потом ещё что-нибудь помешает. Мама скажет, что если папа обещал, то пусть он и идёт с Сёмкой за конструктором, и в результате Семён Семёныч сам забудет про лего. А если всё-таки удастся выжать из родителей новый лего, то Гулька быстро растащит и растеряет детали, а то ещё и проглотит что-нибудь мелкое, и опять придётся резать ей живот. Нет, лего нельзя. А вот попросить, чтобы взяли с собой летом в свой туристский поход?! Ух ты, это мысль! Сами ходят с дядей Мишей и тётей Таней и ещё с кем-нибудь каждое лето, а его ни разу не взяли. Сначала: «Ты ещё маленький», а потом: «А с кем же будет Гулька? С бабушкой? Гулька же заболеет от тоски без тебя». И ничего не возразишь. Хм. А если потребовать, чтобы и Гульку взяли с собой? А уж он за ней будет очень-очень следить, наденет на неё надувной жилет, и она ни за что не утонет. А родителям нужно будет сказать, что они почти не общаются с дочерью. А она их так любит и заболеет от тоски без них. Решено! Пусть только попробуют отказаться, тогда сами станут водить Гульку в сад и из сада.

Но пока делать нечего. Семён Семёныч со вздохом встал, умылся, оделся, сложил в ранец тетради-книги и бутерброд, аккуратно завёрнутый в фольгу мамой – не забыла, – и пошёл будить Гульку.

– Вставай! – громко сказал Семён Семёныч. – В садик пора.

Гулька зашевелилась. На секунду открыла глаза и сразу же закрыла. Проснулась. Но будет притворяться, что спит.

– Вставай, – повторил Семён Семёныч. – А то.

Гулька не пошевелилась.

Начинать день со скандала не хотелось. Что в таких случаях делала мама, когда он не хотел вставать по утрам? Ага, старалась сказать что-нибудь неожиданное:

– Вставай, говорю. Твой Ян-драчун уже успел отколотить Петю!

Гулька мгновенно открыла глаза и села на кровати:

– Кто тебе сказал? А за что?

– Ещё не знаю. Но у твоего Яна это быстро – дать кому-нибудь в нос. Проверить надо, так что собирайся поскорее.

Гулька взлетела с кровати, быстро дала себя умыть, сама оделась, поела без заявлений, что кашу она есть ни за что не будет, и стала торопить Семёна Семёныча бежать в детский сад. Семён Семёныч подхватил свой школьный рюкзак,

и они пошли.

Вдруг из третьего подъезда выскочил Вовка. Семён Семёныч хотел пройти мимо, не обращая на него внимания. К тому же позавчера он уже объяснил Вовке, как нужно вести себя с добрыми и миролюбивыми людьми, которые ни к кому зря не пристают и жить не мешают. Но, как видно, Вовка ничего не понял, потому что, увидев их, противно заулыбался и заорал:

– Какая встреча! Няня Сёма! А ты свою сестру посадил на горшок перед выходом? Или ты захватил горшок с собой?!

Оскорбление, адресованное ему лично, Семён Семёныч стерпел бы, но плохие слова про Гульку простить было нельзя. Со словами «Стоять на месте!» он скинул рюкзак Гулке под ноги и помчался к Вовке, но тот сразу скрылся в подъезде. Семён Семёныч рванул дверь, но вместо Вовки перед ним появилась толстая Вовкина мамаша и сразу заорала:

– В чём дело! Опять ты? Хулиган!

Вовка с победной улыбочкой выглядывал из-за её спины и показывал язык.

– Ничего, – пробормотал Семён Семёныч. – Ещё получишь своё.

Вовкина мамаша схватила Вовку за руку и пошла с ним к школе, а Семён Семёныч с Гулкой побежали к детскому саду.

Настроение было – хуже некуда. Мало того что он не успел дать Вовке в лоб, а тут ещё Гулька всю дорогу приставала:

почему Вова спрашивал про горшок? А сам он ходит на горшок или уже в туалет, как все взрослые и Сёма? Семён Семёныч, не подумав, ответил ей, что Вовка писает в штаны, и это вызвало целый шквал новых вопросов. В общем, когда они пришли в детский сад, Семён Семёныч был уже сильно на взводе. А тут ещё Гулька занялась выяснением у подружек, побил Ян Петю или ещё нет, и всё никак не переодевалась в детсадовский халатик и тапочки. Семён Семёнычу пора было бежать в школу, он торопил её, но безрезультатно.

– Гулька, – сказал он наконец сурово. – Если ты сейчас же не переоденешься и не спрячешь всё, что нужно, в шкафчик, я тебе дам при всех по попе, оттащу в группу прямо такую, непереодетую, и уйду. Пусть с тобой Валентина Петровна разбирается.

– А я буду реветь, – пригрозила Гулька.

– Будешь реветь Валентине Петровне.

Гулька хорошо разбиралась в интонациях старшего брата и поняла, что на этот раз так и будет. Кроме того, реветь Валентине Петровне было бесполезно, даже в чём-то вредно, поэтому Гулька мгновенно переделась и побежала в комнату своей детсадовской старшей группы. Семён Семёныч с облегчением вздохнул, позвонил маме, что всё в порядке – Гулька в саду, и помчался в школу. А вечером за Гулькой мама зайдёт сама.

В школе всё было спокойно, привычно и не требовалось отвечать за кого-нибудь, только за себя. Верка, соседка по парте, не просила дать ей списать решение «факультативной» задачи, за которую Лариса Павловна обещала поставить пятёрку. Верка понимала, что, если она предъявит и даже сумеет объяснить решение этой задачи, ей всё равно никто не поверит. На уроке выяснилось, что Семён Семёныч единственный, кто задачу решил, и он получил свою пятёрку. Ну, если честно, немного помог папа: он зашёл в их с Гулькой комнату, увидел страдания сына, заглянул через плечо и дал совет. И сразу всё стало ясно. Но решил-то её Семён Семёныч сам. Вот. Вообще-то Лёвка Кашин, Тимоха Медведев, Ксанка Глинкина и ещё пара ребят могли бы её решить, но, наверное, не захотели: чего стараться, пятёрок им и так хватает, а если не решишь, ничего за это не будет. А Семён Семёныч так не мог: раз задание дано, надо постараться.

На переменках Семён Семёныч пару раз сходил к «В»-классу, в котором учился Вовка: может, удастся его подстеречь. Вон он! Но двинуть ему при всех опасно, а вот незаметно подойти, как бы нечаянно наступить на ногу или толкнуть. Чтобы понимал: Семён Семёныч ничего не забывает. Но не получилось. Во-первых, Вовка был начеку и всё время

оглядывался, во-вторых, находился среди своих, а нападать на всю команду одному – дураков нет. «Вэшки» – дикий народ, разбираться, кто прав, не станут и, хотя Вовка не так уж им и дорог, всё равно навалятся всем скопом и отколо-тят. Вот уж Вовка повеселится. Лучше подождать, ничего, момент найдётся.

После школы Вовку тоже не удалось подстеречь. Он увидел его с крыльца и убежал обратно в школу. Ждать смысла не имело: или выйдет с кем-нибудь из учителей, или вызовет мамашу. И Семён Семёныч пошёл домой.

* * *

Семён Семёныч доделывал уроки и уже предвкушал, как он будет играть в оборону крепости на компьютере, когда позвонила мама. Семён Семёныч насторожился.

Так и есть. Каким-то льстивым голосом мама стала говорить, что у них в клинике сегодня празднование защиты диссертации одним сотрудником, не пойти невозможно, будет большая обида, и мама просит Сёмика, её дорогого сыночка, сходить за Гулей в детский сад. Она всё понимает, но. В последний раз! Папе она уже звонила, он категорически не может, что-то надо чинить в машине, а бабушка себя неважно чувствует и не выходит из дома уже второй день. Ну пожалуйста!..

– А уроки за меня ты будешь делать?

– Семён, не груби! – мамин голос построжал. – В конце концов, один раз можешь не сделать всех уроков и помочь матери. Безобразие, как нагружают детей! Я напишу Ларисе Петровне записку, что не сделал домашнее задание по семейным обстоятельствам. Так что собирайся, пора идти за Гулей.

Семён Семёныч опустился на стул. Тащиться за Гулькой, ждать, пока она оденется, вести домой. Мама с папой придут поздно, чем-то Гульку надо кормить. Да и самому поесть надо. Самому разогревать суп, а что на второе – вообще неизвестно. Разбаловались родители, знают, что Семён Семёныч сам найдёт решение и всё сделает: «Сёмочка, придумай что-нибудь, ты ведь у нас умный и взрослый мальчик!» «Когда же это кончится, в самом деле! Родили меня и Гульку, а расти мы сами должны? Так, что ли?! Вот уйду из дома, свяжусь с беспризорниками, они как-то кормятся, и я прокормлюсь! А мама с папой поймут тогда, что экспло... эксплутировали меня, не давали моей личности свободно развиваться, загружали непосильной работой. Небось сразу побегут в полицию: “Ах, пропал мальчик, одет в красную курточку, за плечами синий рюкзак – на замочке болтается медвежонок, это наш сын. Он такой хороший, умный, ответственный мальчик. Найдите, пожалуйста, поскорее!.. Мы больше никогда-никогда не будем заставлять его заниматься домашними делами, купим ему велосипед, конструктор лего и другие полезные для развития вещи. И обязательно возьмём его

этим летом в байдарочный поход”.

Полиция меня станет искать, а я буду прятаться на вокзалах и в подвалах и разве что иногда приходить домой, чтобы помыться и сменить одежду, когда они будут на работе, а Гулька в саду.

Хм. А как же Гулька без меня? Они же будут приводить её в садик рано-рано, самой первой, и оставлять возле охранника, а сами побегут на свои работы. А забирать станут последней, когда уже всех детей уведут, и она будет сидеть одна и реветь. А няньки при ней будут говорить, что у неё безответственные родители. Ладно, пора за ней идти. И нарочно куплю поесть что-нибудь вкусное и бесполезное!»

* * *

Семён Семёныч залез в правый ящик папиного стола, где хранились деньги, взял пятьсот рублей и пошёл. В саду была обычная суета: мамы, бабушки, даже некоторые папы ждали своих детей и болтали друг с другом. Дети неторопливо одевались, не обращая внимания на окрики взрослых и доводя их до пределов раздражения. Семён Семёныч вызвал Гульку и стал ждать, постепенно закипая. Вот наконец появилась и она и сразу стала рассказывать, что Ян дал Пете в нос, Петя орал, Яна наказали, а Ян за это стукнул Петю ещё раз, и ему Валентина Петровна сказала, что, если он будет так себя вести, его больше не пустят в детский сад. А Ян сказал, что он

всё равно придёт в детский сад, даст Пете ещё раз и уйдёт! Ян очень сильный и храбрый. И Сёма сегодня утром сказал про него правду.

Появилась большая грозная Петина бабушка. Она уже откуда-то знала, что Ян побил Петю, и стала кричать, что это не детское учреждение, а разбойничий притон и она всем покажет.

Тут как раз пришла мама Яна, и Петина бабушка кричала уже на неё, а мама несчастным голосом тоже кричала в ответ, что незачем ей об этом рассказывать, пусть сразу жалуется в полицию.

Семён Семёныч удивился, разве на таких маленьких детей жалуются в полицию, и вдруг понял, что мама Яна просто не знает, что с ним делать, и хочет, чтобы Петина бабушка от неё отстала. Другие родители тоже громко заговорили, и поднялся ужасный шум. Гулька перестала одеваться и с большим интересом на всё это смотрела. О Семён Семёныче и о том, что нужно идти домой, она, конечно, тут же забыла.

Пришлось сказать Гульке, что она сейчас получит по попе. Гулька очнулась, оделась, и Семён Семёныч потащил её за руку домой.

* * *

По дороге зашли в магазин. В отделе кулинарии продавались жареные цыплята табака, очень вкусные. Попробовать

их Семён Семёнычу и Гульке пришлось только один раз, в гостях: мама считала, что жареное мясо, да ещё со специями, вредно для детей, и согласилась, чтобы им дали по кусочку, но по очень маленькому. Семён Семёныч решил, что сегодня они с Гулькой имеют право устроить себе ужин по своему вкусу, а не давиться надоевшими «протёртыми супчиками» и недосолёнными фрикадельками с цветной капустой или картофельным пюре. Мама-врач следила, чтобы питание было здоровым.

Нет, сегодня у них с Гулькой будет настоящий пир.

Стоя в очереди, Семён Семёныч спросил у Гульки, из-за чего Ян дал в нос Пете. Вроде бы они друзья? Гулька объяснила, что во время тихого часа Петя не спал, ему стало скучно, и он начал дуть Яну в ухо, чтобы разбудить его. Ян проснулся и стукнул Петю. Петя заорал, и тогда проснулись все. Поднялся страшный шум, прибежали воспитатели, тоже раскричались, и шум стал ещё сильнее. А они с Катей не шумели и решили, что они выйдут замуж: Гулька за Яна, а Катя за Петю, только надо будет посмотреть, нет ли у них вошек, потому что в средней группе у одного мальчика нашли вошек. Это Валентине Петровне сказала тётя в белом халате, которая сегодня приходила в их группу и смотрела всем детям в волосы. «Сёма, а кто такие – вошки?»

Очередь уже не скучала, а смотрела на них с Гулькой с весёлым интересом.

Семён Семёныч чувствовал себя неудобно. Он сказал, что

насчёт вошек объяснит ей потом, и поскорее спросил, какую часть цыплёнка она хочет. Вопрос был задан удачно. Гулька сразу забыла о замужестве и стала подробно расспрашивать, какие части есть у цыплёнка и что больше нравится Сёме.

Пакет с цыплёнком несли по очереди. Когда несла Гулька, она время от времени наклонялась над пакетом, тянула носом воздух, ускоряла шаг и спрашивала у Семён Семёныча, почему цыплёнок называется «табака». Он что, курил, пока его не пожарили? А Сёма умеет жарить таких цыплят? А что едят такие цыплята, пока их не пожарят? Семён Семёныч отвечал, как умел. Что он не знает, почему цыплёнок так называется, но наверняка не потому, что он курил. Что куры не курят. Что жарить таких цыплят он не умеет, и уметь незачем, проще купить уже пожаренного. И что цыплята едят то же, что и все куры: что дадут, то и едят.

Дома они вымыли руки, расставили тарелки, разложили вилки и вытащили из плотного пакета ещё очень тёплого цыплёнка. На самом деле он оказался здоровенной курицей, которую надо было как-то разделить на порции. Семён Семёныч нашёл на кухне самый острый нож и стал отрезать от курицы крылья и ноги, как это делала мама. Нож натыкался на кости, курица ездила по всему блюду, и ничего не отрезалось. Гулька ёрзала на своём стуле и всё время спрашивала: «А мы скоро будем кушать?» Наконец, отрезался кусок с крылом и одна нога. Крыло Семён Семёныч отдал Гульке, предупредил, чтобы она ни в коем случае не проглотила ка-

кую-нибудь кость, а ногу взял себе.

И начался пир.

Это было необычайно вкусно. Казалось, что они съедят сейчас всю курицу, а маме с папой не достанется ничего. «Пусть сами едят свой супчик», – думал Семён Семёныч, но скоро почувствовал, что больше не может проглотить ни кусочка. Гулька доела крыло и сидела, опустив руки и тяжело вздыхая.

– Хочу ещё, – с трудом сказала она.

– Хватит с тебя.

– Хочу!

Семён Семёныч отрезал ещё небольшой кусок. Гулька сжевала и его.

– Ещё!

– В другой раз, – ответил Семён Семёныч. – Стошнит. Помнишь, как тебя тошнило на Новый год? Хочешь опять так же?

Гулька молча помотала головой.

– Пить хочу, – пискнула она.

Семён Семёныч налил в две чашки мамин яблочный компот, и они компотом закончили свой замечательный ужин. И тут пришёл папа.

– Дивный аромат, – воскликнул он, войдя в комнату. – Цыплёнок табака? Откуда? Ты купил?

– Мы с Гулькой, – поправил его Семён Семёныч. – Готовая еда. Мама не сказала, где ваш протёртый супчик и как его греть. И про второе ничего не сказала. Деньги я взял у тебя. Сдачу положил обратно. Есть будешь?

– Буду, – радостно сказал папа, потёр руки и взялся за цыплёнка.

– А я ещё хочу, – сказала Гулька.

– Не давай ей, она и так ужас сколько съела. Я пошёл уроки доделывать.

Папа кивнул, и Семён Семёныч вышел из комнаты. Гулька осталась за столом и внимательно следила, как отец убирает в рот здоровенные куски жареной курицы.

Когда через какое-то время Семён Семёныч вернулся на кухню, от курицы уже мало что осталось.

– Это маме, – неуверенно сказал папа, тяжело отдуваясь. Гулька сидела с открытым ртом и вытаращенными глазами.

На тарелке перед ней лежал недоеденный кусок. Сёмка насторожился:

– Ты что, дал ей ещё?!

– Она очень просила. Как отцу не накормить голодного ребёнка, который просит у него кусочек мяса?

– Её же стошнит!

– Тошнит! – вдруг громко и уверенно объявила Гулька. – Ой! Сильно тошнит!

Сёмка едва успел подсунуть ей блюдо с недоеденной курицей, и Гулька выдала в него всё, что только что съела.

– А как же мамина порция? – растерянно спросил папа, но Семён Семёныч так на него посмотрел, что он сразу же вскочил, схватил Гульку и побежал с ней в ванную.

* * *

Когда всё было приведено в порядок, а зарёванная Гулька, умытая и уложенная в постель, уснула, папа зашёл в Сёмкину с Гулькой комнату и сказал:

– Извини. Ты был прав. Нельзя было ей давать курицу. Маме не скажем?

– Всё равно узнает, – мстительно ответил Семён Семёныч. – Гулька сообщит.

– Завтра мама уйдёт раньше, чем проснётся Гулька, а к вечеру это уже будет не актуально. Или вообще забудется.

– Значит, Гульку завтра отведёшь в сад ты?

– Почему я? Ты!

– А кто обещал сегодня утром, что это последний раз? И обещал мне конструктор лего?

– Я обещал?!

– Ты сказал, что купишь мне всё, что захочу, кроме велосипеда. Обещания надо выполнять. Сам говорил. Вот когда купишь, тогда и поведу Гульку в сад.

– Ну, Сёмка. Нельзя же так. Ведь мы с мамой работаем.

– А я учусь. Возьмёте меня с вами в поход, тогда буду водить Гульку в сад. А то обещаете, обещаете и не выполняете. Сколько можно обманывать родного сына?!

– Подожди, а как же Гулька? Она же без тебя не может!

– Не век же ей со мной жить. Вот вырасту, женюсь и уйду из дома. Пора привыкать. И она тоже собирается выйти замуж. За Яна из её группы. Сама вчера сказала.

Папа ничего не ответил, долго смотрел на Сёмку, потом вышел из комнаты. Семён Семёныч поглядел на часы и пошёл спать.

* * *

На следующее утро Семён Семёныча разбудила мама и радостно сообщила, что Гулька в сад отведёт она: сегодня у неё отгул. Семён Семёныч обрадовался, но тут же вспомнил, что Гулька может рассказать маме, как её тошнило. Мама испугается, и что за этим последует – неизвестно. Нужно само-

му разбудить Гульку и предупредить, что маме нельзя рассказывать про их вчерашний пир. А то им никогда больше не придётся есть цыплёнка табака. Сёмка немного опасался за Гулькино здоровье, но она проснулась весёлая. Он повёл сестру умываться и в ванной объяснил, о чём и почему нельзя говорить маме. Гулька всё поняла, часто закивала головой и зажала себе ладошками рот. Но когда на завтрак мама выдала им ненавистный творог, Гулька отодвинула тарелку от себя и заявила, что есть его не станет. На мамины уговоры ответила, что она уже большая и будет теперь есть только цыплёнка табака. Мама замерла, медленно повернула голову и поглядела на Семён Семёныча:

– Ну-ка, рассказывай. Что за цыплёнок табака? И не вздумай врать!

Семён Семёныч заметался мыслью, но от неожиданности в голову ничего не приходило. И он перешёл в наступление.

– Сколько можно есть эти протёртые супчики, каши и творожки?! – закричал он. – И фрикадельки с кабачками! Все нормальные люди едят цыплёнков табака. И мы с Гулькой хотим. Раз вы нас одних оставляете, то мы сами будем заботиться о своём пропитании. И вчера позаботились! И потом будем заботиться!

– И тошнить мы больше не будем! – крикнула Гулька, как всегда выступившая на стороне брата.

Мама уронила ложку.

Через три минуты Семён Семёныч вылетел за дверь квартиры, сопровождаемый маминым возмущённым криком и Гулькиным рёвом. Злой как пёс, он выскочил из подъезда во двор. Недавно прошёл сильный дождь, кругом блестели лужи, а он был в кроссовках, и это не улучшало настроения. Но впереди Семён Семёныч вдруг увидел Вовкину спину. «Попался, гад!» – обрадовался он, надеясь незаметно подобраться к врагу. Но дверь подъезда предательски хлопнула, Вовка оглянулся и увидел Семёна Семёныча.

– А где сестра? На горшке забыл?! – крикнул он и бросился бежать напрямую, плюхая резиновыми сапогами по лужам. Семён Семёныч кинулся за ним, обегая лужи, чтобы не промочить кроссовки. «Не догоню, – подумал он. – Надо что-то придумать». На бегу он скинул с плеч рюкзак и метнул его вдогонку Вовке. Рюкзак пролетел мимо, но Вовка шарахнулся от него, поскользнулся, шлёпнулся в лужу, проехался по ней и замер. Семён Семёныч мгновенно добежал до него, схватил рюкзак и встал над поверженным врагом, счастливый от неожиданной удачи.

– А ты сам на горшок перед выходом сходил? – спросил он ласково. – Да? А почему тогда штаны такие мокрые? Меня испугался? Иди скорей домой, простудишься. А я скажу твоему классу, что ты описался по дороге и побежал домой

менять штаны. И поэтому опоздаешь, а может быть, и совсем не придёшь. Ну-ну, не реви, воды и так хватает.

– Убью, гад! – всхлипнул Вовка. – Матери скажу. Тебя из школы выгонят.

– Давай, давай, – крикнул Семён Семёныч и в прекрасном настроении побежал в школу.

* * *

Домой он возвращался с большой опаской, не зная, дома ли мама и в каком она настроении. Осторожно повернул ключ, надеясь незаметно просочиться в свою комнату и сразу сесть за уроки: вид трудолюбивого сына за рабочим столом всегда успокаивал маму. Войти и раздеться удалось почти бесшумно. В столовой раздавались голоса... Ага, папа тоже дома. Спорят о чём-то. Говорит папа. Семён Семёныч прислушался:

– Правы они, Маша. Хочется есть то, что вкусно. Восемьдесят процентов удовольствия человек получает от еды.

– По-твоему, я готовлю невкусно?!

– По-разному. Но даже вкусная еда, если она всё время одна и та же, приедается. Ты бы видела, какие они были довольные с этим цыплёнком табака. А мне как понравилось!

– Вот-вот! То-то Гульку тошнило!

– Ну и что? Детей, бывает, тошнит. И вообще, не будут же они всегда сидеть на твоей супердиете. Им в жизни придёт-

ся есть всякую пищу, и организм должен к ней привыкнуть. Сама в походах тушёнку из банок ещё как уплетаешь, и всякие концентраты неизвестно какого происхождения. Ягоды, грибы. И ничего. А когда Сёмка с Гулькой подрастут, им тоже придётся есть отнюдь не диетическую пищу. Ты обратила внимание, что Сёмка не по возрасту взрослый и ответственный? И постоянно озабоченный. Он даже улыбается и смеётся реже других детей. А почему? Да потому что мы на него переложили все заботы о Гульке. Одно дело – просить помочь, а другое – повесить на него все заботы о сестре. А отдых у бабушки?.. Мы с тобой в походе развлекаемся, а он работает и няней, и сиделкой. Привыкли, что он ответственный мальчишка и сделает всё как надо. И при этом мы обращаемся с ним как с ребёнком чуть старше Гульки. Вот так. И получается, что в зависимости от того, как нам удобно, он то маленький ребёнок Сёмочка, то взрослый Семён Семёныч. Не знаю, может, для него в будущем это к лучшему. Крестьянских детей рано к серьёзной помощи старшим приучали. Вспомни Некрасова: «А кой тебе годик? Шестой миновал». Впрочем, может, и нет. Время сейчас другое.

Мама молчала.

– Он очень хочет пойти с нами в поход. По-моему, мы уже вполне можем взять его с собой.

Сенька не выдержал, влетел в комнату с криком:

– Да, я уже взрослый! И меня можно брать в походы! Папа и мама вздрогнули.

– Ты откуда взялся? – удивился папа. – Подслушивать нехорошо. А насчёт похода подумаем.

– Я видела, какой ты взрослый! – отчеканила мама. – Кто тебе разрешил покупать жареную курицу и давать её маленькому ребёнку? Ты что, не мог проследить, чтобы Гулька не объелась, взрослый человек?! А с кем её оставить, если мы уедем все трое? Бабушке одной с ней тяжело. И без тебя Гулька будет очень скучать. Нет! Никакого похода! А сейчас собирайся и иди за ней в сад.

Семён Семёныч был возмущён до глубины души. Что он, Гулька, что ли, чтобы с ним так разговаривать? Его мнением даже не интересуются! Он им нужен, только чтобы освободить их от заботы о Гульке! Ну уж нет!

– Во-первых, ещё рано, а во-вторых, сама иди. У тебя сегодня свободный день, а я категорически не могу: у меня много уроков! – крикнул Семён Семёныч и ушёл в свою комнату.

Последнее, что он услышал, – это слова папы: «Вообще-то в том, что Гулька объелась, моя вина. Сёмка предупреждал, чтобы я не давал ей больше ни кусочка, но она просила, и я не удержался».

Что ответила мама, Семён Семёныч уже не слышал. Кажется, ничего не ответила.

* * *

Семён Семёныч сидел в своей комнате над раскрытой тет-

радьё и переживал. Он всегда переживал, когда родители сердились на него, но сегодня он сердился на них. То есть не сердился, а испытывал чувство глубокой несправедливой обиды:

«У них отпуск, им, видите ли, нужно отдохнуть после года тяжёлой работы. Опять пойдут в байдарочный поход, вернутся весёлые, загорелые, станут рассказывать про всякие приключения, показывать снимки, смеяться и вспоминать, как им было хорошо. А нам с Гулькой останется сидеть, слушать и завидовать. А пока они там будут отдыхать, мы с Гулькой будем здесь работать: “Сёмочка, сходи в магазин, купи продукты, вот списочек я составила. Сёмочка, погуляй с Гулечкой, девочке нужен свежий воздух. Как это она не хочет, а ты её уговори, ты ведь старший брат, она должна тебя слушаться. Что-то я устала, подай мне лекарство и водички, запить. Да нет, не это, а вон то, в жёлтой упаковке, когда же ты запомнишь. Сёмочка, пойди посмотри, что там Гуленька делает на кухне, я, кажется, забыла убрать варенье. Сёмочка, хватит смотреть мультики, насмотрелся уже, переключи телик на Пятый канал, там сейчас начнётся конкурс молодых артистов балета.”

И во двор не выйдешь один погулять с ребятами, с теми, кто не уехал, Гулька сразу в рёв, бабушка в крик: “Возьми её с собой! Ничего с тобой не случится. Поиграешь с ребятами, а она посмотрит.” Как же, поиграешь. И посмотрит она, как же. Да и не будет почти никого во дворе, все с родите-

лями разъедутся. Вовка, гад, в прошлом году со своей мамашей в Турции на море побывал. Передо мной надувался как пузырь: “Море – это прекрасно! Ты на море не был, тебе не понять”. Кто я им, сын или обслуживающий персонал?! Домработник! Нянька Гулькина! Мне скоро и учиться будет некогда. Школьная программа всё сложнее и сложнее, двоичником стану. Всё им скажу!»

На тетрадку упала капля, за ней другая. Семён Семёныч растерялся: это что, слёзы?! Он яростно потёр кулаками глаза, глубоко подышал и стал делать уроки.

* * *

Хлопнула входная дверь, раздались голоса. «За Гулькой ходили. Вдвоём. Так им и надо», – подумал Семён Семёныч. Захотелось выскочить навстречу, но он удержался.

В комнату ворвалась Гулька:

– Ой, Сёма, сегодня Яна в садике не было. Петя радовался, говорил, что, наверное, его кто-то побил и он теперь в больнице. А Сонька сказала, что его, наверное, прогнали из детского сада. А Петьке никто не поверил. А я сказала, что он тоже ел цыплёнка табака и его тоже тошнило, и мне все поверили. А Валентина Петровна сказала, что звонила мама Яна и сказала, что он заболел, потому что съел очень много мороженого. Сёма, а ты мне купишь мороженое? А что ты делаешь? Уроки? А ты уже сделай все уроки и почитай мне

книжку.

– Иди давай, – ответил Семён Семёныч сурово. – Пусть тебе мама читает. Или папа. Мне уроки надо долго делать.

Гулька внимательно посмотрела на него, огорчённо вздохнула и вышла.

* * *

Весь вечер Семён Семёныч молчал. Молча проходил мимо папы с мамой – они тоже молча провожали его взглядами. Молча лёг спать. Наутро мама вошла в их с Гулькой комнату и весёлым голосом заговорила:

– Ну что, Семён Семёныч, свёкор, ворчун старый? Не устал ещё дуться на нас с папой? Вставай, пора Гульку вести в сад.

– Не поведу. Ты води или папа.

– Что это за капризы! – повысила голос мама. – Вставай сейчас же, опоздаете в сад.

Семён Семёныч не ответил.

Мама постояла и вышла. Вошёл папа:

– Семён, что это ещё за фокусы? В чём дело? Чего ты хочешь?

– Хочу, чтобы вы выполняли свои обещания. А то: «купим, сделаем», а потом: «Неужели я это обещал?». Ты в поход меня сколько раз обещал взять? А Гулька!

Меня уже все дразнят «Няня Сёмка». Детства нет совсем.

Другие со своими детьми отдыхать ездят в Турцию, где море, а вы? Я с Гулькой каждый год с бабушкой на даче: «Сёмочка, сходи, Сёмочка, принеси, Сёмочка, присмотри за Гуленькой». А если возразишь, сразу: «Боже мой, кого твои родители вырастили на мою голову?!» А вечером вы пришли с работы: «Ах, мы устали». Или: «Мне ещё нужно подготовиться к завтрашнему дню, а ты пока поиграй с Гулей». А в этом году бабушка на дачу не поедет – плохо себя чувствует. Мама тебе говорила, я слышал. Значит, мы с Гулькой будем всё лето в Москве сидеть? Вы зачем нас родили?

– Но мы с мамой работаем, чтобы вам было хорошо, – растерянно сказал папа.

– А нам хорошо, когда вы с нами играете, – ответил Семён Семёныч.

– А вот я сейчас дам тебе по шее! – неуверенно заявил папа. – Сразу встанешь.

– Не дашь. У тебя на ребёнка рука не поднимется.

– А ты не ребёнок, – весело сказал папа. – Ты старый ворчун, свёкор и Семён Семёныч. Поэтому ещё как дам.

Он стащил Семёна Семёныча с постели и слегка хлопнул по попе.

– Этим летом пойдёшь с нами в поход. Пройдём немного, километров десять-пятнадцать. Встанем на озере, поставим палатки и будем ловить рыбу и собирать грибы-ягоды. Есть одно такое озеро.

– А Гулька?

– Если не получится оставить с бабушкой, возьмём с собой. Но уж там, на озере, ты с ней будешь нянчиться. У нас будет много других забот. А сейчас – давай, буди её. Сегодня я отведу её в сад. В субботу пойдём покупать вам экипировку: резиновые сапоги, средства от комаров и клещей, штормовки, полиэтиленовые накидки от дождя, поролоновые коврики, чтобы спать, – там ваших мягких перинок не будет. Много чего купить надо. Но если не будете слушаться, врежу по-настоящему: там не слушаться – смертельно опасно. Надо ещё подыскать надёжных спутников. Есть у меня один знакомый, который собирается отдыхать с детьми.

Семён Семёныч обхватил папу и замер.

* * *

Время тянулось ужас как медленно. Всё, что необходимо в походе, уже было закуплено. Папа даже нож купил Семён Семёнычу, совсем настоящий, только небольшой, а Семён Семёныч хотел такой же, как у папы: большой, тяжёлый. Бабушка сразу сказала, что одна с Гулькой не справится, так что и Гулька отправлялась в поход с папой, мамой и Семён Семёнычем. Она очень гордилась этим, каждый день примеряла свои штормовку, штаны и сапоги и смотрелась в зеркало. Она даже потребовала, чтобы Семён Семёныч отвёл её в этом наряде в садик, но он решительно отказался, из-за чего Гулька целый вечер дулась на него.

А перед самым отъездом случилось большое огорчение: бабушка стала себя плохо чувствовать, и маме пришлось остаться, чтобы за ней ухаживать. Папа сердился, мама вздыхала. И тогда папа предложил остаться всем и дожидаться, пока бабушка выздоровеет. При этих словах Семён Семёныч замер, даже дышать перестал. Но мама решила, что семье следует ехать без неё, а то дети огорчатся, да и ей одной управляться с бабушкой будет легче. Семён Семёныч выдохнул, наконец, воздух и тут же пожалел маму, даже сам спро-

сил, может, всё же лучше остаться. Но мама помотала головой и быстро отвернулась. И они поехали без мамы.

* * *

Семён Семёныч не любил ездить в машине. Наверное, потому что ездил только на дачу к бабушке. Скучно. За окнами мелькает одно и то же, смотреть не на что. И сразу хочется спать. Хорошо хоть бабушкина дача недалеко – в Быкове. Старый дом, старый забор, скрипучие двери. И скучно. Телевизор смотреть, как дома, в Москве? Надоедает. Участок весь исхожен-изучен, каждый муравей знаком, каждая травинка. А в походе будет всё новое, незнакомое! Дремучий лес, озеро, лодка. В лесу дикий зверь, в озере рыба. А если дождь, можно спрятаться в палатке и слушать, как он стучит по ней. И костёр, а над огнём котелок, а в котелке уха из пойманной лично им, Семён Семёнычем, рыбы... Здорово! Для этого можно перетерпеть долгую дорогу. Папа сказал, что ехать придётся два дня.

* * *

Они ехали по асфальтовой дороге. Гулька вела себя хорошо, смотрела по сторонам широко раскрытыми глазами и требовала, чтобы Семён Семёныч всё ей объяснял. Потом

устаивала спрашивать и засыпала. Семён Семёныч тоже засыпал, просыпался, опять засыпал. Останавливались отдохнуть, ели, пили сок или чай из большого термоса, и время проходило незаметно. Ночевали в гостинице. Семён Семёныч спросил, зачем в гостинице, ведь у них есть палатка. Но папа ответил, что разбирать багаж и ставить палатку долго и хлопотно и что Сёмка ещё наночуется в палатке.

Утром они опять ехали по асфальту, потом по плохой дороге с мелкими камешками, потом по совсем плохой дороге с лужами и грязью и, наконец, приехали в какую-то деревню и остановились возле большого деревянного дома.

Из ворот вышел широкий, бородатый, лохматый, весь какой-то сказочный дядька, и они с папой обнялись. Дядька сказал, что заждался, забеспокоился, почему Маши нет, и папа ответил, что у неё заболела мать. Потом папа заехал на машине во двор, и все они зашли в дом, где уже был накрыт стол.

Гулька спала. Её внесли в другую комнату и уложили на большую кровать. А Семён Семёныч сел за стол с папой, с его другом дядей Егором – папа шепнул Сёмке, что он здешний лесник, – и его тоже широкой женой тётёй Натальей. Папа с дядей Егором стали есть и пить водку, которую, оказывается, привёз папа. Семён Семёныч не любил, когда папа пил водку, правда, такое бывало редко.

Папа вытащил из багажника машины складную удочку с катушкой посередине, всю в ярких наклейках и бумажках с

иностранными буквами, очень красивую, называется спиннинг, и подарил её дяде Егору. Тот охнул и опять обнял папу.

Всё было очень вкусно, а дальше Семён Семёныч ничего не запомнил, потому что уснул за столом. Тётя Наталья перенесла и его на кровать и уложила спать рядом с Гулькой.

* * *

Когда утром Семён Семёныч проснулся, Гульки рядом не оказалось. Он испугался, вскочил и выбежал из спальни. Гулька сидела за столом и ела что-то очень вкусное, а тётя Наталья сидела, подперев ладонью щёку, и на неё смотрела.

– Проснулся? Давай быстрее умывайся да за стол. Каша остынет.

Гулька ела кашу?! И как ела! Это было удивительно. Семён Семёныч потянул носом, и ему вдруг ужасно захотелось этой каши, и поскорее.

– Тётя Наталья, а что это за каша? – спросил он, работая ложкой. – А папа где?

– Каша гречневая, с салом и луком жареным, – ответила тётя Наталья. – А папа твой с Егором на реке, лодку снаряжают. Закончат уже скоро, и пойдёте по речке до озера. Там и встанете. А машина ваша у нас во дворе вас дожидаться останется.

– Ух ты! А лодка какая? Байдарка?

– Нет, надувная, резиновая. Байдарка хороша для путеше-

ствий. Она узкая, длинная, быстрая. Но валкая. В ней только сидеть и грести. А на озере лучше надувная: она широкая, устойчивая, свободная, в ней и встать можно, и пересесть легко. Такая не опрокинется.

— А до озера долго плыть?

— Недолго. Лодка эта с мотором, быстро дойдёте, и двух часов не будет.

— А можно я побегу посмотрю? Где река?

— И я с тобой, — пискнула Гулька.

— А ни к чему. Ещё нагладишься. Они уже скоро назад будут. Вы с сестрой пока по двору ходите, поглядите, как всё устроено, с обитателями познакомьтесь, а я тут приберу.

* * *

Семён Семёныч с Гулькой за руку вышел на крыльцо и огляделся. Двор как двор, даже похож на бабушкин дачный, только больше и сосен нет. И забор здесь не из планок, а плотный, высокий. А вон гараж, а в нём папина машина, и ещё одна, наверное, дяди Егора. И прицепная коляска. И мотоцикл. Дальше ещё какие-то постройки. А вон угол, сеткой отгороженный, за ней куры. И петух. Красивый. С той стороны грядки, кусты какие-то с ягодами. Интересно, с какими. А это кто?! Ух ты!!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.